

ПРИРОДА ГЕНДЕРНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Резюме. Рассматривается проблема соотношения между национальной и гендерной идентичностью в обществе. Показывается, что эта проблема носит сложный многовекторный характер состояния и развития, который зависит от экономических, политических, демографических, социальных факторов развития самого общества.

В последнее время усиливается интерес к специфическим проблемам психологии человека, связанных с внутриличностным и социокультурным поведением в ситуациях социального взаимодействия. Известно, что личность с высокой социальной обусловленностью идентичности способствует наискорейшему развитию общества, поэтому проблема анализа возникновения и развития социальной идентичности является важной и актуальной.

Идентичность имеет личностную и социальную составляющие. Самые важные виды социальной идентичности – это этническая (национальная) и гендерная, как наиболее стабильные из всех видов социальной идентичности человека. Поэтому интересна и важна взаимосвязь именно между этими видами социальной идентичности, а также динамические свойства этой взаимосвязи.

На сегодня нет сколько-нибудь точных данных о характере гендерного взаимодействия в самом далеком прошлом. В одних работах доказывается, что времена палеолита и неолита были гендерно нейтральными, то есть взаимоотношения между мужчинами и женщинами не имели в ту пору общественной значимости. В других – что на заре истории царил матриархат, причем либо в форме господства женщин, либо, как партнерские отношения между мужчинами и женщинами [1], и это партнерство якобы было разрушено с появлением и развитием технологий войны. Подтверждением изначально равных, партнерских отношений женщин с мужчинами

считаются материалы раскопок самых ранних захоронений человека, которые говорят о равном статусе погребенных вне зависимости от их пола. Но самое главное свидетельство высокой женской роли в архаичном обществе – распространенный в ту пору в ареале Древней Европы культ Великой Богини-Матери. На этот культ по-своему указывают и наскальные изображения в пещерах, и многочисленные находки женских фигурок в древних святилищах, как правило, грубо стилизованных, широкобедрых, часто безликих. О «социальном партнерстве» между мужчинами и женщинами в доисторические времена гласят античные легенды, например, Гесиода, Платона, в которых в частности говорится о первичной андрогинности - целостности древнего человека и о его грехопадении, повлекшем за собой распад на две половины. В третьих работах доказывается, что не было ни матриархата, ни архаического гендерного партнерства, а история человечества изначально складывалась как история мужского доминирования, иерархически выстроенных мужского и женского статусов. Ни одна из вышеприведенных точек зрения на характер гендерных отношений в доисторическую эпоху не получила окончательного признания. Однако известно, что с началом исторического времени, когда возникает тип общественной организации, называемый «традиционное» общество, патриархат являлся узаконенной системой отношений между мужчинами и женщинами. С той поры и до настоящего времени разделение труда между мужчиной и женщиной выстроено по принципу взаимодополняемости, но взаимодополняемости совсем не равноценных ролей. Мужчине отдан на откуп внешний мир, культура, творчество, притязания на господство. Женщине – дом, но и в доме она оказывается в статусе подчинения. Иерархия мужской и женской ролей фиксируется совершенно четко: он – субъект властных отношений, она – объект его власти. Такие отношения определяются социологами как субъект-объектные, статусно неравные.

И пока гендерное неравенство сохраняется, существует и возможности манипуляций своим гендерным статусом с целью повышения социального,

либо наоборот. В настоящей статье анализируется взаимосвязь между гендерным и социальным статусом личности, выясняется, всегда ли гендерная и национальная идентичности смещают друг друга.

Для ответа на эти вопросы рассмотрены типичные примеры гендерного поведения общества в различных социальных и экономических состояниях.

Рассмотрим отношение к женщинам в период казачества на Запорожской сечи [2,3]. Этот период характеризуется экстремальностью экономического и политического состояния общества. В то время приводить женщин в Сечь запрещалось, а сексуальные отношения с женщинами в период нахождения в Сечи наказывались смертной казнью. В безженном казацком сообществе нередко были случаи гомосексуализма и скотоложства, наказание за которые было также суровым: битие палками у столба. Женщины рассматривались воинами не просто в качестве объектов сексуального удовлетворения, а выступали в роли неких абстрактных знаков, демонстрирующих успех и область вооруженного захвата. Изнасилование рассматривалось как обязательная форма продолжения военных действий. Однако характерно, что женщины не выступали в роли привилегированных объектов сексуального насилия, которому захватчики стремились подвергнуть максимальное число населения. Например, в 1674 году, когда гетман Дорошенко привел войска турок и татар в Чигирин, было изнасиловано как женское, так и мужское население, а также несколько тысяч мальчиков, захваченных казаками в заднепряньских городах и переданных в дар турецкому султану. Как следствие, в представлении западноевропейских путешественников по Восточной Европе Украина выступала как арена необычайного сексуального насилия, и прежде всего – анальных изнасилований как выражения сексуальных политик номадов. В идеале изнасилованию, как символической замене убийства, должно было подвергнуться все население захваченной территории.

Любые гетеросексуальные отношения должны были завершаться убийством женщины. Такие случаи рассматривались как образцы

мужественного поведения и воспевались в казацком фольклоре, как, например, известный жест атамана донских казаков Степана Разина. Убивая женщин, с которыми они вступали в сексуальные отношения, казаки восстанавливали таким способом изначальное и приоритетное для их сообщества значение сексуальности как формы символической замены реального насилия. Строго говоря, весь уклад жизни диктовал казакам такое отношение к женщинам. Любое проявление гендерности и сексуальности рассматривалось как угроза разложения казацкого духа. Чтобы сохранить национальный и социальный статус необходимо было игнорировать любое проявление сексуальности, как излишнее проявление слабости и зависимости.

Аналогичная ситуация складывалась в нацистской Германии [4]. «Гитлеровское движение» обещало освободить германскую нацию от унижительных условий, навязанных ей Версальским договором 1919г., и справиться с тяжелым экономическим кризисом конца 1920-х-начала 1930-х гг. Чтобы достичь этих целей, было необходимо ликвидировать Веймарскую республику и установить истинную народную, или этническую, общность (Volksgemeinschaft). «Гитлеровское движение» призывало одновременно и к уничтожению классовых конфликтов, и к возрождению единства, самосознания и могущества нации. Германии угрожало расовое вырождение, виновниками которого были евреи, цыгане, славяне, негры и другие нежелательные и «расово низшие» меньшинства, которые угрожали телу народа, или расы, его здоровью и его превосходству. Женщины, находившиеся на «полноценной» стороне расового раздела, рассматривались как «матери народа», а находившиеся на другой стороне – как «вырождающиеся» и «низшие». «Подходящие» женщины должны были в качестве матерей способствовать национальному возрождению, производя много детей, «неподходящие» женщины считались недостойными иметь потомство. Один из идеологов Гитлера разделил женский пол на четыре категории: женщины, которых нужно поощрять рожать детей; тех, против

детей которых не следует возражать; тех, кому было бы лучше не иметь их; и тех, кому нужно было препятствовать производить потомство путем стерилизации. Нацистская пропаганда стерилизации, и расизма в целом, была часто нацелена специально на женщин, потому что считалось, что они оказывали ей наибольшее сопротивление; это подтверждалось данными тайных донесений полиции. В школьных учебниках для девочек только три страницы были посвящены прославлению германского материнства, а двенадцать – возможности стерилизации «чьего-то любимого ребенка» и запрету заключать браки с народами с «низшей наследственностью». В целом, в борьбе за чистоту расы, в явной центрации на национализм, происходила чудовищная дискриминация женщин, причем не только «недостойных» национальностей но и собственной. И опять таки просматривается при явном завышении национальной идентичности резкое занижение гендерной.

Та же закономерность видна и в проявлениях женского терроризма. В [5] приводится: «Долгое время роль женщины в террористических структурах ограничивалась организацией политической поддержки, созданием тайников и конспиративных квартир, сбором пожертвований, ведением разведки и т.д. Иногда женщины выступали в роли политических представителей или спикеров террористических структур. Однако постепенно их роль изменилась. За последние 15-20 лет было отмечено появление террористических организаций, состоящих исключительно из женщин». Абсолютно все террористические организации Европы и Америки используют женщин во время проведения боевых акций. Особо многочисленны женщины в таких структурах, как «Тигры Освобождения Тамил Илама»\Liberation Tigers of Tamil Eelam (Шри Ланка), ЭТА (Испания), Объединенный Фронт Освобождения Ассама\United Liberation Front of Assam (Индия), Маоистская Коммунистическая Партия (Непал), «Настоящая Ирландская Революционная Армия»\The Real IRA, ФАРК\Fuerzas Armada Revolutionarias de Colombia, Революционные Вооруженные Силы

Колумбии\Revolutionary Armed Forces of Colombia. Психолог Чарльз Голдсмит считает, что лучшим объяснением сущности этого феномена может служить следующая аксиома: «женщины-террористки превращают битву полов в битву с обществом в целом». Karla Cunningham, профессор Университета Штата Нью-Йорк, автор исследования «Межрегиональные тенденции женского терроризма» считает, что во многих обществах именно невозможность участвовать в обычных формах политической деятельности толкает женщин к терроризму. Женщины не влиятельны, а их роль в жизни незаметна. И многие женщины идут в террор не во имя идеи, а против существующей жизни, дабы покончить с этой незаметностью, став при этом национальным героем. Поэтому женщины, как правило, глубоко уверены в необходимости и оправданности совершения терактов – о долговременных последствиях подобных действий они задумываются редко.

В анализе моделей гендерной идентичности женщины в современной Украине, гендерная исследовательница Оксана Кись выделила две основные современные модели – Берегиню и Барби [6]. Берегиня, эклектический конструкт, апеллирующий к мифу о женщине-матриархе, христианскому культу. Тип Барби связан с коммерческим дискурсом рекламы и женских журналов, позиционирующих женщину как дорогое украшение, требующее соответствующего ухода (и владельца). Другие типы женской идентичности маргинализированы: карьеру Деловой Женщины рассматривают как следствие неудач в личной жизни, образ Феминистки вообще демонизирован.

Пример Юлии Тимошенко – один из самых ярких и успешных примеров манипулирования женственностью. Ее образ менялся от строгой деловой леди с темными волосами до милой, «женственной» женщины, заботливой, подчеркнута стильной – симбиоз Берегини и Барби. Смену имиджа Ю. Тимошенко можно объяснить попыткой привлечь электорат Западной Украины, где очень сильны патриархальные стереотипы. Свою женственность Ю. Тимошенко подчеркивает при помощи одежды; новости о

ее личной жизни (за исключением венчания дочери) – большая редкость в украинских СМИ.

Показательной чертой украинского политического дискурса является отсутствие известных женщин-политиков в партиях националистической направленности. Правые партии, например, «Наша Украина» включают женщин в свои проходные списки по принципу украшения – например певицу Руслану (5-е место) и Оксану Билозир (19-е место).

Напрашивается вывод, что женщин в современной украинской политике воспринимают на основании гендерного различия, чем сами эти дамы умело начинают манипулировать, создавая соответствующие имиджи, дабы компенсировать свою социальную несостоятельность.

Гендерные роли, так же как и национальные роли, разыгрываются для Другого [7], поэтому прежде чем анализировать гендерные роли, надо выяснить, для кого эти роли разыгрываются. Как конструируются гендерные образы в Восточной Европе? Кто этот Другой, для которого женщины разыгрывают свои роли? Как это ни парадоксально, но в области символической власти можно обнаружить двух различных Других: Другого советского тоталитарного режима, в котором женщины были убедительно представлены как политические агенты («рабочая», «крестьянка»), и капиталистического «западного Другого», репрезентирующего женщин в виде объектов желания. Конечно, в современном политическом дискурсе первого, тоталитарного Другого не учитывают и отрицают. Другой, даже будучи политически устаревшим и недействительным, все еще учитывается в экономике видимости. Конечно, предпочтение отдается так называемому второму Другому, не только из-за старых патриархальных традиций, но также и потому, что капиталистический режим представляется в как единственный возможный путь политического и социального существования, как своего рода «естественные» условия. Как избежать этого двойного взгляда? Как изобрести новые формы видимости? Чтобы избежать этого двойного наблюдения, нужно придумать некое «двойное исчезновение», или

«двойное ускользание» [7]. В современном искусстве предлагаются интересные примеры этой двойной стратегии. Например, литовская художница Эгле Ракаускайте [7] работала со своим собственным телом. Одни из ее наиболее известных и наиболее влиятельных перформансов, под названием «В жире», был выполнен и снят в 1998 г. Художница использовала свое собственное тело как вещество и погружала себя полностью в теплый жир и оставалась там в течение восьми часов. Жир, остывая, становился непрозрачным и постепенно скрыл тело художницы, сделав его невидимым. Этот процесс снимался на три камеры и передавался на три телевизионных монитора, так повернутые от зрителей, что они видели только отражение изображения в стеклянной поверхности, а не само изображение. Таким образом, взгляд зрителя был прерван и разбит, как бы в попытке избежать стандартизированных репрезентаций. Процесс, при котором жир остывал и становился непрозрачным, можно проинтерпретировать как «активное исчезновение», как отказ позировать консьюмеристскому взгляду Другого. В то же самое время это – отказ представить тело как социальный или политический агент.

Кристиана Инчиурайте, другая литовская художница, предлагает еще один интересный пример «активного исчезновения» [7]. Ее видео («Репетиция», 2002, «Досуг», 2003, «Старые девы», 2003, «Приказ», 2004, «Закрытие», 2004, «Падение», 2005, «Огонь», 2005) обычно изображают пустое пространство, которое метонимически относится к пустому пространству репрезентации. Пустое пространство не только указывает на некоторые области социальной изоляции, но также и говорит о кризисе самой репрезентации. Голос женщины за кадром подсказывает, что не показывается именно тело женщины, хотя героини всех видео Инчиурайте – женщины, которые говорят о своей фемининности. Наиболее важным в этих видео является то, что, говоря о фемининности, главные героини невидимы – мы можем только слышать их голоса за кадром. Эта стратегия «двойного исчезновения» является ведущей во всех видео Инчиурайте: женщины

становятся невидимыми как в качестве социальных и политических агентов, так и в качестве объектов скопического желания.

Таким образом, женщины начинают проявлять социальную, в первую очередь, этническую идентичность, когда они становятся невидимыми как сексуальные субъекты, т.е. исчезает их гендерная идентичность.

Анализируя вышеизложенное можно ответить на также на следующий вопрос. Возможны ли в обществе ситуации, при которых:

- одновременно растет национальная идентичность и гендерная (усиливается гендерное неравенство);
- национальная идентичность растет, но при этом усиливается гендерное равенство;
- национальная идентичность не растет, но усиливается гендерное равенство;
- национальная идентичность не растет, но увеличивается гендерная идентичность (неравенство)?

Оказалось, что возможны в обществе может реализоваться любой из четырех рассматриваемых выше вариантов. В качестве примера можно рассмотреть следующие модели развития общества.

Первый вариант, когда растут национальная идентичность и гендерная дискриминация, ярко просматривается в обществе, находящемся в трудных экономических, демографических или экстремальных ситуациях. Например, Германия в период фашизма, или Украина в период запорожского казачества. Сюда же можно отнести государства с сильными укоренившимися традициями, граничащими с фанатизмом – различные мусульманские страны. Можно привести примеры и других сообществ, идентифицирующих себя по какому то признаку, негативно относящихся к вопросу гендерного равенства: пираты, любые мореходные сообщества, военизированные отряды и т.п.

Второй вариант возрастающей национальной идентичности и одновременного гендерного равенства возможны в странах, где экономика

находится в спокойном стабильном состоянии, но национальные традиции чрезвычайно сильны. Примером может быть современная Франция, где большое значение уделяют поддержанию национального духа, но, тем не менее, решают проблему гендерной дискриминации.

В качестве третьего варианта можно рассмотреть США, где одновременно ведется борьба за национальное и гендерное равенство.

В четвертом же варианте целесообразно рассматривать общества в послевоенный период, например СССР после Второй Мировой войны, когда различные национальности были объединены общими проблемами возрождения общего государства, и национальный вопрос не стоял остро, все нации были равны, но сильная демографическая проблема, а так же нехватка мужского населения дали сильный рост гендерному неравенству.

Таким образом, проблема соотношения между национальной и гендерной идентичностью носит очень сложный характер, зависящий от многих экономических, исторических, социокультурных факторов, особенностей исторических ситуаций, стадий консолидаций общества, особенностей этнического окружения.

Литература

1. Айслер Р. Чаша и клинок. – М. 1993.
2. Скальковский А.О. "История Новой Сечи, или последнего Коша Запорожского". – Одесса, 1986 год.
3. Жеребкин С. Сексуальность в Украине. Гендерные “политики идентификации” в эпоху казачества // «Гендерные исследования», №1, 2005 г.
4. Бок Г. Женщины и фашизм. Национальная гендерная политика и женская история // «Гендерные исследования», № 12, 2004.
5. М.Луканин Школа шахидов на Кавказе подготовила новых смертниц // Газета Труд от 02.11.2009.

6. Злобина Т. Женское искусство в Украине. Формирование женской субъектности в изменяющейся культуре // «Гендерные исследования », № 16, 2007.

7. Жукаускайте О. Исчезающие идентичности в современном литовском искусстве // «Гендерные исследования », № 16, 2007.